

● К 50-летию Великой Победы

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ НАС ВЫБИРАЮТ

ЖЕНЩИНА-снайпер, девушка-снайпер... Сколько написано о них книг, сколько снято фильмов, а все равно словосочетание это будоражит воображение — может наверное не будоражить. И когда я шел на встречу с Надеждой Дмитриевной Ефименко, снайпером Великой Отечественной, то испытывал любопытство следующего рода: что подвигло ее на избрание такой, прямо скажем, неженской воинской специальности; какие чувства испытывала она, в конце концов, женщина, смотревшая на мужчин через оптический прицел снайперской винтовки?

военное предприятие, выпускающее снаряды, в Барнауле. А осенью 42-го появился на этом предприятии молодой майор — «покупатель». Он сказал: «Девочки, есть возможность послужить Родине. Желających направляем в школы снайперов, летчиков, радисток, а потом — на фронт». И добавил: «Согласия вашего, честно говоря, не требуется, но все-таки лучше будет, если вы сами напишете заявления». Надеждиных семи классов хватило для снайперской школы, так что выбирать не пришлось.

Подольская специальная школа снайперов. За исключением небольшого числа командиров среднего и высшего звеньев, одни женщины. Год немилосердной муштры, который показался более тяжелым, чем вся последующая фронтовая жизнь.

По словам Надежды Дмитриевны, женщины-командиры были более «свирепыми» учителями, чем мужчины, поблажек и скидок слабому полу не давали. В октябре 1943-го новобранок отправили в двух «телячьих» вагонах на Второй Прибалтийский фронт, а по дороге разбросали по разным частям. Надежде достался 530-й стрелковый полк 56-й стрелковой дивизии, входившей в четвертую ударную армию.

На передовую ехать не боялась. Это потом, после ранения зимой 44-го, не хотела возвращаться из госпиталя на фронт: и потому, что жить хотелось, и потому, что увечья больше смерти боялась. А тогда, в первые дни пребывания на передовой, было просто интересно. Из-за любопытства своего едва не поплатилась головой. Высунулась, где не надо, когда не надо, а тут и снайперская пуля прилетела да прямо в лоб. Сильный ветер помог изменить в последний момент траекторию полета пули, и та прошла наискосок. «Видно, Бог меня хранил», — говорит Надежда Дмитриевна. — Все три напарницы, с которыми мне довелось работать, погибли, а я вот выжила».

Всего на ее счету пять подстреленных немцев — «зайчиков», как она их называет. Когда первого убила, плакала, долго не могла успокоиться. Может быть, не столько фрица было жалко, сколько себя: чувствовала, что произошло нечто для «уши неизгладимое, непоправимо страшное. Дальше было проще, а лучше сказать, обыденнее. И не в том дело, что привыкла, а просто поняла: на войне нет места для сантиментов, а есть работа, и от того, как ты выполнишь свою боевую

задачу, зависит успех военной операции и, в конечном счете, жизнь товарищей по оружию. Медаль «За отвагу» Надежда получила весной 44-го под Кенигсбергом, за уничтожение немецкого наводчика, корректировавшего огонь артиллерии по нашей пехоте, когда та форсировала небольшую речку.

О своих «охотах» Надежда Дмитриевна рассказывает бегло, без подробностей. «Самое главное», — говорит она, — сколько раненых бойцов перетаскала в укрытие. Вот это было действительно тяжело! Окончание войны проходило в почти беспрерывных атаках наших частей, и функции девушек-снайперов заключались, в основном, в собирании раненых. Под пулями и снарядами таскали девчонки истекающих бойцов в воронки от разорвавшихся снарядов, и кровь пропитывала их до последней ниточки так, что трудно было дышать, тошнило. Еще хуже, когда рваная рана живота: тащишь солдата, а у него кишки вываливаются, заприхнешь их назад, а они опять через какое-то время...».

Впрочем, все эти ужасы и тяготы войны хорошо известны и вряд ли стоит увлекаться подробностями. Но вот сидит передо мной женщина, пусть и пожилая, и я не могу не задать ей вопрос: а была ли любовь на войне?

— Нет. На передовой любви не было, — решительно отвечает Надежда Дмитриевна. — И на переходах не было. Слишком мы все были измотаны: что мужчины, что женщины. Чего действительно хотелось так это лечь где-то и поспать. И спали на

ходу, в буквальном смысле. А вообще-то обидно было, что мужчины внимания не обращали. Вроде, не страшная была (смеется). С мужем своим первым я хоть и на фронте познакомилась, но уже в самом конце войны, в Прибалтике. Это после 9 мая было. Постояли на перекрестке, поговорили, понравился он мне. А через полмесяца поженились. Сходили мы к нашему командиру полка, он дал письменное разрешение, и в церкви таковой нас расписали.

Тот фронтовой брак был хоть и счастливым, но недолгим. Спустя четыре года, в Находке, куда молодая семья переехала из Барнаула с мыслью попытаться удачу на краю света, муж Надежды Дмитриевны умер от незалеченных ран, оставив после себя дочку Светлану. Второе замужество закончилось также через четыре года, но по другой причине: характерами не сошлись. Но осталась дочка Люба. Третий муж умер от рака на двадцатом году совместной жизни. Это его фамилию носит теперь Надежда Дмитриевна. По странному стечению обстоятельств все три спутника жизни были шоферами.

А что же сама Надежда Дмитриевна, бывший снайпер четвертой ударной армии? Работала поваром в техфлоте, продавцом в Находторге, кондуктором в АТП. Дочек вырастила, пристроила. Внуки подрастают — мальчик и девочка. Пенсия у нее 190 тысяч рублей и этого, конечно, не хватает. Приходится по выходным дням пирожками торговать. И еще книги она читает духовные, особенно такие, где про карму говорится. Да это и понятно: слово «карма» или «судьба» для русского человека не пустой звук; они, эти наши судьбы, хоть и похожи одна на другую (в какой стране родились!), но каждый их понимает по-своему. И у каждого своя гордость, свое оправдание и своя печаль.

Ю. БОДУХИН.

ОНА ПРОДАЕТ пирожки на рынке возле университета и от соседок по торговому ряду неотличима. Седые волосы, темное в морщинках лицо, добрые усталые глаза. Какой-то особенной печати, которую могла наложить на внешность жестокая военная профессия, я не заметил. А вот отметины есть: на лбу — след немецкой снайперской пули да на ноге — память о разорвавшемся снаряде. 16 лет как на пенсии. Живет в однокомнатной квартире на Постышева с симпатичной дворняжкой по кличке Барон. И судьба у нее, в общем-то обыкновенная — не лучше и не хуже, чем у других женщин ее поколения. Одним словом, нелегкая. «Досталось мне как сидоровой козе», — говорит с улыбкой и, кажется, без сожаления. — Если страдала много, значит, Бог наказывал, значит, было за что. Зато и уберег меня на войне, да и сейчас помогает. Дети у меня хорошие, живут хорошо — чего же еще? Мне грех на свою судьбу жаловаться».

Родилась в 1924 году на Украине и в том же году привезли ее родители в алтайское село Мамошкино, которое она и считает своей родиной. Неласковой родиной. Там раскулачили и утопили в проруби ее деда, не хотевшего вступить в колхоз и угнавшего свой скот в тайгу. Там долгое время ютилась в землянке семья из 11 человек. Туда же вернулась Надежда в 1935 году после гибели отца, служившего начальником НКВД в одном из городов Кемеровской области. После смерти матери, наступившей во время родов в том же 35-м, воспитывалась вместе с младшими братом и сестрой у бабушки. Жили впроголодь, на символические трудодни да на сиротские три пуда муки. Зато работали «как ишаки» на колхозных полях или в леспромпхозе, куда посылали по разнарядке валить лес.

В 1941-м году, когда Надежде было семнадцать, отправили ее за какую-то мнимую провинность на